

Следующий день, 1 июля, был пятницей. Многие жители Филадельфии взяли выходной, чтобы начать его с поездки "на берег" (так в Филадельфии называют поездки на восток к пляжам Нью-Джерси). Гарри собирался с утра посетить последний музей, прежде чем отправиться в свою первую поездку. Накануне он приобрел в магазине военных излишков походное снаряжение и планировал отправиться в одно- или двухдневное путешествие по волшебным Сосновым болотам Нью-Джерси. Огромный (более пятой части территории Нью-Джерси), густо заросший лесом заповедник находился совсем недалеко от Филадельфии и Камдена, но был практически не заселен людьми. Судя по частично подслушанному Гарри разговору двух волшебников в одном из разграбленных им книжных магазинов, заповедник представлял собой довольно примитивную, хотя и увеличенную в геометрической прогрессии версию Запретного леса, хотя по какой-то причуде окружающей магии в лесу нельзя было ни аппарировать, ни перемещаться на ключах; Впрочем, это было не более чем мелким неудобством: он просто прилетит поблизости и отправится в лес пешком (летать на Firebolt не получится, так как полог будет настолько плотным, что приземлиться будет сложно). Его целью было увидеть знаменитую "Голубую дыру" - якобы бездонное озеро, которое, по слухам, было излюбленным местом обитания какого-то магического существа; Гарри не успел услышать, что это было за существо, как между Гарри и двумя мужчинами, которых он подслушивал, впорхнула большая семья - очень похожая на Уизли, только волосы у них были одинаково каштановые.

Пока Гарри ел завтрак - сэндвич со скрэпплом, который был очень вкусным, поэтому он не хотел рисковать и спрашивать у кого-либо, что такое скрэпл, - пока он шёл пешком (ему казалось, что он слишком много перемещается на аппарации и рискует потерять форму) к месту назначения, экзотическая (для него) еда заставила его подумать о Роне, который, несомненно, с удовольствием попробовал бы всевозможные блюда, легкодоступные; как бы хорошо ни готовила Молли Уизли, она обычно готовила небольшой ассортимент типичных английских блюд. Мысли о Роне быстро привели к мыслям о Гермионе, которая безумно позавидовала бы его возможности посещать столько музеев и книжных магазинов (и заниматься магией вне школы). Разумеется, мысли о двух ближайших товарищах неизбежно привели его к Хогвартсу.

Судя по спискам различных американских магических школ, вывешенным в нескольких крупных книжных магазинах, Гарри начал припоминать различия между магловским образованием (поскольку американское магическое образование в точности повторяло немагическое, включая даже некоторые немагические предметы, чтобы соответствовать требованиям штатов и федеральных властей) и почти устаревшей моделью, используемой в магической Британии, и первое, похоже, выходило на первое место почти на каждом шагу. И это при том, что Хогвартс рекламировал себя как "лучшее магическое образование в мире!". Снейп, конечно же, не мог подготовить большое количество квалифицированных студентов по зельям, Биннс не мог надеяться на то, что сможет подготовить выпускников, способных говорить по истории магии, а "Защита от тёмных искусств" была практически анекдотом - до сих пор у Гарри был только один достаточно квалифицированный профессор DADA, и тот был вынужден уволиться, как только распространилась новость о его ликантропии, благодаря мелочности Снейпа. В американской аудитории Снейп был бы уволен уже через несколько секунд после первого занятия (именно столько времени обычно требовалось ему, чтобы начать издеваться над подопечными детьми), Биннс даже не прошёл бы собеседование (поскольку работал практически на автопилоте), а трудоустройство Ремуса было бы защищено, а не преследовалось бы законами о равных возможностях и защите инвалидов.

Гарри понимал, что нельзя строить свое представление о целой стране на основе впечатлений

от нескольких дней пребывания в одном городе, но он быстро начинал впечатляться Америкой и в равной степени разочаровываться в британском магическом сообществе в целом и Альбусе Дамблдоре в частности. Этому чувству немало способствовали упоминания о Дамблдоре в различных экспозициях Филадельфийского Музея международной магической истории (всё-таки он был весьма заметной фигурой в европейских магических сообществах и МКВ), почти ни одна из которых не рисовала его в лестном свете. Он занимал идеальную позицию для того, чтобы втащить британское магическое сообщество в новое тысячелетие: он был главным колдуном Визенгамота, представителем Великобритании в МКВ и - что, пожалуй, самое главное - в течение нескольких десятилетий был директором крупнейшей школы магии в Западной Европе, что он мог бы использовать для формирования сознания своих юных подопечных в направлении принятия перемен и улучшения их мира.

Если бы Дамблдор действительно был настолько прогрессивным, как он призывал людей в это верить, подумал Гарри, то британское магическое общество не застряло бы в викторианской эпохе. Вместо этого его действия в Визенгамоте и на посту директора Хогвартса всегда были направлены на сохранение статус-кво, а время от времени он использовал своё влияние, чтобы помочь кому-нибудь из своих приспешников выбраться из затруднительного положения. Даже его дуэль с Гриндельвальдом в 1945 году (за которую его почитают в Британии) состоялась только после того, как война уже была выиграна на магловском и фактически закончена на магическом фронте, после того как он игнорировал непрерывный поток послов и глав государств, буквально умолявших его о помощи на протяжении большей части десятилетия.

Короче говоря, Дамблдор был, по сути, волшебником в версии Гамлета - его стандартной реакцией всегда было выжидание и обдумывание различных путей, парализованное неопределённостью, и к тому времени, когда он принимал какое-либо решение, было уже слишком поздно, чтобы принести какую-либо реальную пользу. Гарри понял, что это должно быть сделано для того, чтобы он мог сделать достаточно, чтобы претендовать на моральное превосходство в действиях, но никогда не принимал решения, за которое можно было бы нести ответственность, если бы ситуация сложилась не так, как планировалось. Это касалось даже самого смелого поступка Дамблдора - если бы он проиграл дуэль своему старому другу Геллерту (ведь только в Британии Дамблдору удалось скрыть от общественности свою связь и роман с Гриндельвальдом), он почти наверняка выжил бы (Геллерт все равно, скорее всего, попал бы в плен, так как война была проиграна, а он был в меньшинстве), а факт поражения стал бы оправданием столь долгого ожидания, и он все равно считался бы храбрым только за то, что попытался. В любом случае, он вышел бы победителем (или, по крайней мере, сохранил бы свою репутацию), так что на самом деле это вовсе не было смелостью, поскольку риска практически не было.

<http://tl.rulate.ru/book/96404/3297460>